

Одна из тех немногих тем, которые даже в России способны объединять людей на массовые протестные акции – это защита природы. Обычно «защищать» её приходится от вмешательства. Это происходит в России: в Москве (знаменитый «Химкинский лес»), в Новосибирском Академгородке (движение против застройки академовских лесов), на Байкале (где борьба против проведения

Антон Свешников,

историк, к.и.н.,
доцент Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского,
Омск-Бремен,
pucholik@rambler.ru

Штутгарт 21. Заметки очевидца

«Не дай Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», — говорил классик в эпоху, когда массовые протестные движения в России были ещё далеки от своей кульминации. А что из себя представляет современный «немецкий бунт» именно при «рассмотрении», т.е. визуально? В этой небольшой статье мы постараемся на конкретном примере посмотреть, что из себя представляют социальные формы протеста в современном мире глазами непосредственного «не-включённого» наблюдателя. Речь идёт в данном случае о попытке интерпретации нарочито «отстранённого» (если вспомнить старый термин В. Шкловского) наблюдения (наблюдений «со-знательно русского», с некой нарочитой актуализацией опыта «жизненного мира» обычного русского обывателя)

нефтепровода непосредственно по берегу озера увенчалась в 2006 году ободряющим успехом), в других местах...

Это же происходит и в Европе, с её богатым протестным опытом.

Повсеместно оказывается, что охрана природы — достаточно мощная «энергетичная» ценность, чтобы «простые люди» стали защищать её. В статье Антона Свешникова рассказывается

об одном новейшем примере: защита старинного парка в центре Штутгарта. Взгляд наблюдателя фиксирует именно «будничные», привычные, рутинные стороны протеста. Это не «праздник» и не эксцесс, это работа, которую должны сделать граждане своего города, так, как умеют. А потребуется — они её повторят.

массовых проявлений недовольства жителей Штутгарта, направленных против строительства в городе нового железнодорожного вокзала, получившего название «Штутгарт 21». Но прежде чем обратиться непосредственно к описанию увиденного, обозначим контекст. Так сказать, немного истории...

В 1994 году руководство Немецкой железной дороги («Дойче Банна»), федеральной земли Баден-Вюртемберг и её столицы города Штутгарта представило помпезный проект нового железнодорожного вокзала. Он должен был заменить старый, построенный в городе ещё в 20-е годы XX века. Причём заменить радикально. Существующий железнодорожный вокзал является «тушиковым», т.е. он лишён «сквозного» проезда. Поезда уходят в ту же сторону, откуда пришли. Новый вокзал будет не только намного больше. Он будет сквозным. В результате этого Штутгарт должен превратиться в крупный пассажирский и транспортный узел на скоростной европейской железнодорожной магистрали Будапешт-Париж, а также скоростной магистрали Ульм-Штутгарт. Для этой модернизации предполагается проложить под городом туннель длиной 10 километров. Да и сам новый вокзал фактически будет подземным.

А вот здесь и начинаются проблемы. Согласно разработанным и представленным властями и специалистами проектам в ходе строительства вокзала придётся вырубить часть деревьев знаменитого Штутгартского дворцового парка (Шлоссегартен), пострадает жемчужина парка — знаменитая платановая аллея, ведущая через весь парк от королевского дворца к летней королевской резиденции.

Проект, безусловно, грандиозный по своему размаху. Его общая стоимость по официальным прогнозам составляет около 4,1 млрд. евро (по неофициальным — превышает 10 млрд.). По мнению властей, он должен способствовать модернизации города, позволит привлечь инвестиции и создать большое количество рабочих мест. В этом плане следует отметить, что реализованный несколько ранее и гораздо меньший по масштабам проект строительства нового завода по переработке мусора был встречен жителями города с однозначным одобрением. Однако сразу после того, как проект нового вокзала был обнародован, жители города обратились с многочисленными протестами в различные инстанции. Так, например, в 2006 и 2007 гг. в Верховный суд земли Баден-Вюртемберг было подано несколько исков о незаконном основании строительства нового вокзала. Протесты эти были отклонены, и летом 2010 г. строительство началось. Уже в июне, когда начались первые работы по демонтажу северного крыла здания старого вокзала, были проведены первые демонстрации протеста. Кульминации протестное движение достигло осенью, когда строительные работы добрались до парка. В акциях протеста по неофициальным данным приняло участие более 50 тысяч человек. Правда, полицейская статистика говорит о 16-17 тысячах. Наряду со взрослыми в акциях приняли участие и школьники. В ходе этих акций произошли столкновения с полицией, применением для разгона демонстрантов дубинки, водомёты и слезоточивый газ. Мировые издания

Штутгарт 21. Заметки очевидца

обошли сделанные агентством AFP фотографии, на одной из которых запечатлён пострадавший от полиции пожилой человек с окровавленным лицом¹.

Впервые в таком масштабе в истории современной Германии полицейские силы были применены не против политических радикалов, правых или левых экстремистов, уличных хулиганов или футбольных фанатов, а достаточно умеренного по своим лозунгам «ситуативного» движения. В современной германской политической аналитике участники подобного рода движений обозначаются специфическим термином «Wutbürger» (сердитый гражданин). Популярность этого термина благодаря штутгартским событиям значительно возросла. Руководство полиции, города Штутгарта и земли Баден-Вюртемберг, официально комментируя эти события, заявило, что действия полиции были вполне правомерны и легитимны, строительство абсолютно законно и демонстранты, грубо говоря, сами виноваты. Эти же слова в более мягкой форме повторила и канцлер Германии Ангела Меркель.

Однако акции протеста на этом не прекратились. Война перешла в окопную стадию, приняла позиционный характер.

Вот, собственно говоря, в это время, в период затишья, в апреле 2011 года я и наблюдал действия протестантов. Их лагерь, в буквальном смысле этого слова, находится в Дворцовом парке возле тех самых платанов, которые, согласно планам строительства, должны пойти под топор. На сами эти платаны (это огромные десятиметровые широколиственные деревья без коры в нашем традиционном понимании), как и на другие «обречённые» деревья, были повязаны специальные ленточки. Кстати сказать, как общее количество таких деревьев, так и платанов, в частности, никто точно указать не может. У разных сторон цифра колеблется от 16 до почти 300. Лагерь состоит из довольно своеобразных сооружений, наиболее яркими из которых являются два типа. Первый — это вигвам. Полная копия того самого индийского классического дома из вестернов и детских книжек, только вместо шкур на каркас из длинных жердей натянута ткань и брезент. По виду он достаточно большой, больше восьмиместной палатки. Второй

¹ См. Демьянов А. Штутгарт-21. Власти ФРГ поспорились с гражданами из-за вокзала (<http://lenta.ru/articles/2010/10/06/bahnhof/>); Хавронин А. «Штутгарт 21» вышел из-под контроля (<http://www.svobodanews.ru/content/article/2156200.html>).

тип сооружения ещё более экзотичен. Это гнёзда. Они расположены на самих платанах, на перекрестье веток. Достаточно высоко над землёй, где-то на высоте 5 метров. Гнёзда эти достаточно большие, в них явно могут разместиться несколько человек. Правда, как люди забираются туда, мне увидеть не удалось. Протестанты в буквальном смысле живут в лагере, ночуя и питаясь в этих экзотических строениях. Естественно, в лагере присутствовали плакаты против строительства нового вокзала и столы для сбора подписей в защиту акции. Хотя их было не так много, как ожидалось. Можно было за символическую плату купить значки в поддержку акции, свежие номера и подписку различных оппозиционных и протестных изданий, получить агитационный раздаточный материал.

Основное требование протестантов, судя по предлагаемым ими незамысловатым листовкам и газетам², достаточно простое — они требуют прекратить строительство вокзала («нечего тратить наши деньги на подземные замки, есть более важные задачи») и оставить в покое дворцовый парк («жемчужину Штутгарта»). При этом, не объясняя непосредственно соотношения целей и методов своего движения, протестанты исходят из того, что не остановятся перед любыми действиями для достижения своей цели. Методы оказываются ситуативными — от массовых демонстраций и пикетов, допускающих блокирование строительных работ и столкновения с полицией, до «лагерного сидения».

Получается, что протестное движение носит по своим методам «ответно-пульсирующий характер». Оно резко обостряется при активизации строительных работ и переходит в рутинную «окопную» фазу при их временном приостановлении. При этом, по сути, «рутинная» фаза оказывается даже более значимой. Она наглядно демонстрирует стремление «длить усилия» по достижению своей цели, так сказать, «волю к протесту». Противники строительства не просто «пошумели и разошлись», превратившись в законопослушных граждан, они «пошумели и остались», демонстрируя тем самым непреклонность своих намерений.

Протестующих на момент моего посещения лагеря было немного. Человек 25-30. Как правило, это люди среднего

² Основным идеологом протеста против строительства нового штутгартского вокзала в пространстве публичных (например, телевизионных) дебатов является бургомистр Тюбингена, восходящая звезда партии зелёных (союз 90/ зелёные) Борис Палмер.

Помеченный ленточкой платан.
Фото с сайта <http://www.fotocommunity.de>.

Строительная площадка будущего вокзала.
Фотограф Дженс Зендер.
Фото с сайта <http://www.david-schmitz.net>.

Фото с сайта <http://www.infiniteunknown.net>.

возраста, преимущественно мужчины. Одеты они достаточно буднично и просто. Хотя, как известно, на русский взгляд, повседневная одежда средне-статистического европейца всегда напоминает костюм для лыжной прогулки. Каких-то руководителей, направляющих жизнь лагеря, не заметно. Ведут себя протестанты достаточно спокойно, несуетливо и демонстративно равнодушно по отношению к бродящим по парку туристам. В какой-то степени они сами, похоже, воспринимаются как элемент парка, но в тоже время их поведение похоже на поведение зверей в зоопарке. Вяло переговариваются, спокойно пьют водичку из пластиковых бутылочек, здесь же под деревьями справляют естественные потребности.

Один мой знакомый, участвовавший в «оранжевых событиях» в Киеве,

Штутгарт 21. Заметки очевидца

Фото с сайта <http://www.focus.de>.

делился своими впечатлениями: «Это было очень весело. Почти бахтинский карнавал». Здесь — ничего подобного. Всё достаточно буднично, размеренно и скучно. Хотя за всем этим стоит ощущение уверенности и спокойствия.

Среди значимых, очевидных на данный момент итогов этого протестного движения принято обращать внимание на резкий рост политического капитала партии зелёных. Как показали социологические опросы, её рейтинг заметно вырос. По итогам прошедших в марте 2011 года выборов в земельный парламент (ландтаг) Баден-Вюртенберга впервые за много лет традиционно побеждавших представителей ХДС/ХСС сменила именно партия зелёных, которые в коалиции с СДПГ составили большинство. Впервые в истории феде-

ральной земли премьер-министром стал представитель партии зелёных Винфрид Кречманн. В связи с чем, естественно, сразу начались разговоры о том, что партия зелёных активно провоцировала и поддерживала протестное движение. Однако летом 2011 года «Дойче Банн» возобновил строительство. Возобновились и протестное движение. Произошли новые столкновения с полицией³.

По мнению гамбургского социолога Вольфганга Краусхара: «В случае с вокзалом «Штутгарт 21» столкнулись два представления о демократии: представительная демократия, когда народ делегирует право принятия решения выборным представителям, и прямая, базисная демократия, при которой последнее слово принадлежит народу»⁴. Само это противопоставление, безусловно, связано с так называемым кризисом партийно-парламентской системы представительной демократии, её бюрократизацией и рутинизацией⁵. А согласно германским законам именно партии являются «основными посредниками между обществом и властными институтами». Формирование системы замкнутой партийно-политической элиты, отстаивающей свои интересы, ведёт к «вытеснению масс из политического пространства». В силу этого им приходится искать новые (или «вспоминать» старые) формы отстаивания своих непосредственных интересов. Однако аналитики в Германии, памятуя о ситуации прихода Гитлера к власти, к подобного рода «проявлениям воли народа» относятся весьма сдержанно⁶.

Таким образом, при непосредственном рассмотрении немецкое протестное движение в своей «повседневной жизни» серое по цвету, спокойное-размеренное по темпу, небольшое по объёму и мало эмоциональное по выражению. Никакой spektakyлярности, эстетизма или фанатизма⁷. Получается, что те культурные ценности, которые способны «поднять массы на протест», относительно стихийный и не структурированный, не нуждаются в акцентированной или,

более того, экзальтированной артикуляции. Они очевидны. В данном случае — экология и демократия.

Но что при этом главное? Обещанный российский опыт. Я не могу себе представить подобное движение протеста ни в одном из родных сибирских городов, сколько ни напрягаю фантазию. А ведь деревья в том же Омске или Кургане вырубает сплошь и рядом. Это происходит либо в связи со строительством новых зданий, либо в связи с так называемым «благоустройством городских парков и территорий», в ходе которого на место старых деревьев сажаются какие-то сомнительные веточки-саженцы⁸. Об этом все знают и говорят. В Омске даже существует специальный протестный экологический сайт «Город-пень»⁹. Но до открытого протеста дело не доходит и вряд ли дойдёт¹⁰. Налицо отсутствие того самого пресловутого гражданского общества, способного в публичном пространстве противостоять власти. Да, штутгартские протестанты критикуют и планы огромных трат средств налогоплательщиков в условиях финансового кризиса, и изменения исторического облика города. Но поводом-то послужили деревья. По своему основному поводу движение маркируется как «стихийно-экологическое». В России «Штутгарт 21» уже окрестили «немецким химкинским лесом». Вопрос о партийных манипуляциях тоже можно оставить в стороне как второстепенный. У нас, как ни манипулируй протестным движением, массы не поднимешь.

Ещё лет двадцать назад Омск гордился советским статусом города-сада. А сейчас... Через четыре года здесь будет город-степь. И такими темпами, действительно, будет.

³ О событиях весны и лета 2011 г., связанных со строительством нового штутгартского вокзала см. <http://www.s21-stresstest.de>.

⁴ Демьянов А. Указ. соч.

⁵ Теоретический анализ этой проблемы на русском языке см. Крауч К. Постдемократия. — М., 2010.

⁶ В этом плане показательным, что противники «зелёных» не стесняются публично сравнивать их за популизм методов с национал-социалистами.

⁷ О сложности демаркации между художественной и политической составляющими в современных протестных движениях см. Зайцева А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // НЗ. — 2010. — № 4.

⁸ Существует так же эксклюзивный метод кронирования старых деревьев, после которого они превращаются в замысловатые фаллические символы.

⁹ См. <http://www.gorodpen.ru>.

¹⁰ Общий анализ характера протестных движений в современной России см. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. — М., 2010.